

Археологические исследования А.П. Уманского на Алтае (1956–1963 гг.)

М.А. Демин

Алтайский государственный педагогический университет
(Барнаул, Россия)

A.P. Umansky's Archeological Research in Altai (1956–1963)

M.A. Dyomin

Altai State Pedagogical University (Barnaul, Russia)

На основе нового архивного материала раскрываются основные направления археологических работ известного сибирского ученого А.П. Уманского в начальный период его исследовательской деятельности. Важную роль в профессиональном становлении историка сыграло участие в 1949 г. в археологической экспедиции под руководством М.П. Грязнова у села Большая Речка. Первые самостоятельные раскопки он проводит в 1951 г., вскрыв четыре кургана древнетюркской эпохи. Во второй половине 1950-х — начале 1960-х гг. в качестве инспектора управления культуры Алтайского крайисполкома, а затем и сотрудника Алтайского краевого краеведческого музея он проводит большую целенаправленную работу по сбору данных о древних памятниках края, охране и обследованию аварийных объектов, пропаганде краеведческих знаний. Особую известность получили материалы «княжеского» погребения из Тугозвонова на Чарыше, раскопки археологического комплекса в урочище Раздумье на Оби, андроновского могильника Кытманово на Чумыше и других памятников. В рассматриваемое время А.П. Уманский превратился в одного из самых активных и авторитетных исследователей археологии края.

Ключевые слова: А.П. Уманский, археология, Алтайский край, памятник, эпоха бронзы, ранний железный век, древнетюркская эпоха.

DOI 10.14258/izvasu(2016)2-36

В октябре 1955 г. А.П. Уманский переходит на работу в управление культуры Алтайского крайисполкома старшим инспектором по музеям и охране памятников культуры. К этому времени он уже имел опыт участия в археологических работах под руководством ленинградского археолога М.П. Грязнова у села

Using new achieve materials, the author focuses on the main directions of archaeological investigation made by a famous Siberian scientist A.P. Umansky at the early stages of his research activities. His participation in the archaeological expedition near the settlement of Bolshaya Rechka headed by M.P. Gryaznov in 1949 played an important role in his professional growth as a historian. He conducted his first independent excavation in 1951 opening four burial mounds of Old Turkic period. In the second half of the 1950-s — at the beginning of the 1960-s being an inspector of the department of culture of the Altai Territory executive committee and then an employee of the Altai museum of natural history, he concentrated his great effort on collecting material about ancient monuments of the Altai Territory, protection and inspection of endangered objects, extension of knowledge on regional natural history. The materials of the “ducal” burial in Tugozvonovo at the Charysh river, the excavation of the archaeological complex in the area of Razdumye at the Ob river, Andronovo burial ground of Kytmanovo at the Chumysh river and other monuments were greatly prominent. In this period A.P. Umansky turned into one of the most active and authoritative investigators of the archaeology of the Altai Territory.

Key words: A.P. Umansky, archeology, Altai territory, monument, Bronze Age, early Iron Age, Old Turkic period.

Большая Речка в Алтайском крае и в зоне будущего водохранилища в Новосибирской области, а также самостоятельных раскопок могильника на реке Иня близ одноименного села в Алтайском крае [1, с. 34–41].

А.П. Уманский в полной мере использовал возможности новой должности для сбора информации

об археологических памятниках Алтайского края. Во время служебных поездок по районам края он фиксировал встречавшиеся ему памятники старины, расспрашивал местных жителей и осматривал места случайных находок и любительских раскопок, знакомил заинтересованных лиц с законодательством по охране исторического наследия.

Во время командировки в Тальменский и Залесовский районы в сентябре 1956 г. он зафиксировал курганные группы и места сборов подъемного археологического материала у сел Думчево, Малый Калтай, Видоново, Щипицино, Язово, Таскаево, Новотроицкое, Зайцево, составил планы курганных могильников, осмотрел песчаный выдув, где находили артефакты, и серию древних предметов, хранившихся в тальменской школе. Со слов участников раскопок двух курганов у с. Новотроицкое, проводившихся школьниками во главе с учителем истории А.И. Зайцевым, была восстановлена примерная картина погребального обряда. По заключению А.П. Уманского, раскопки велись колодезем, «без соблюдения элементарных требований и правил», в результате чего точно установить способ захоронения оказалось сложно. В связи с этим он обратил внимание работников сельсоветов, отдела культуры, райкома ВЛКСМ, а также учителей и школьников на необходимость охраны памятников старины и соблюдения соответствующего законодательства, создания необходимых условий для хранения древних изделий [2, л. 24–27].

В этом же году он зафиксировал несколько курганных групп по дороге из Барнаула в Калманку и из Камня-на-Оби в с. Корнилово, четыре больших курганных могильника вокруг Телеутских озер и цепочки курганов вдоль линии железной дороги в Благовещенском и Завьяловском районах. Со слов местных жителей он установил наличие «бугров» в различных местах Каменского, Волчихинского, Тогуйского и других районов края [3, л. 1–11].

В конце сентября 1956 г. А.П. Уманский обследовал высокий левый берег Оби между г. Барнаулом и с. Елунино в Павловском районе. Несмотря на плохие погодные условия (снег с дождем и сильный ветер) ему удалось выявить разрушенные грунтовый могильник и многослойное поселение на левом берегу Касмала у одноименного села и шесть курганных могильников и пять одиночных курганов у с. Харьково, Лога, Подгорная и Телеутская¹. Исследователь зафиксировал размеры и взаимное расположение погребений внутри курганных групп, отметил наличие на большинстве из них грабительских раскопок.

Он побывал на известном археологическом памятнике Чудацкая гора на правом берегу реки Касмала, который в свое время ему показали М.П. Грязнов и М.Н. Комарова, и собрал там несколько каменных и костяных орудий, а также большую серию керамического материала [7]².

С археологическими памятниками края А.П. Уманский знакомится не только во время служебных поездок. К нему стекается информация о памятниках старины и находках древних предметов, поступающая в музей, редакции газет, краевую станцию юных туристов. Исследователь старался поддерживать контакты с местными краеведами, узнавая о неизвестных ранее древних объектах и одновременно предостерегая от неверных действий в отношении археологических памятников. Так, в ответ на просьбу турорганизатора Тюменцевской средней школы Ю.С. Орлова разрешить обследование археологических памятников, расположенных между селами Грязново, Андронов, Черемшанка и Киприно, он немедленно откликается письмом, в котором сообщает, что такие разрешения выдает только Институт археологии, и предупреждает об ответственности, вплоть до уголовной, за самовольное разрушение памятников. Он советует руководителю вместе со школьниками провести обследование местности с целью выявления древних поселений и курганов, сфотографировать, описать и нанести их на план, произвести сбор подъемного материала, а также убедить местное начальство прекратить распашку курганов.

Сообщение в редакцию газеты «Алтайская правда» о находках в с. Ключи Краюшкинского района «детских игрушек или идолов древних людей» он лично проверил в ходе служебной командировки в сентябре 1959 г. По его заключению, признаков культурного слоя на данном месте не наблюдается, а за древние изделия местные жители приняли естественные образования из глины [2, л. 3]. Видимо, по инициативе А.П. Уманского было подготовлено и разослано в 1961 г. всем председателям поселковых и сельских советов Алтайского края директивное письмо управления культуры, в котором предписывалось выявить и сообщить информацию об археологических памятниках, имеющихся на подведомственной им территории [8, л. 144–145].

В первые годы интенсивного знакомства с археологическими памятниками края А.П. Уманский продолжал считать, что важнейшей проблемой археологии Алтая является поставленная М.П. Грязновым задача исследования материалов «поздних кочевников» XI — XVII вв. По воспоминаниям Алексея

¹ В связи с тем, что деревня Телеутская впоследствии была смыта рекой Обь, ученые Алтайского государственного университета, проводившие многолетние раскопки разновременных погребальных комплексов, зафиксированных А.П. Уманским как Телеутская I–VI, стали обозначать их как Елунинский курганный могильник-I и II, и Телеутский Взвоз-I [4, с. 8–9; 5, с. 13–14; 6, с. 31].

² В литературе Чудацкая гора известна также как Касмала I [4, с. 5–6].

Павловича, лишь со временем, когда он «влез в этнографию телеутов», то убедился в объективной сложности поиска археологических памятников позднего средневековья в силу особенностей погребального обряда населения Южной Сибири в эту эпоху [9, с. 190].

В июле 1959 г. группа сотрудников краевой детской экскурсионно-туристической станции во главе с А.П. Уманским раскопала один разграбленный курган у сел Гоньба и Казенная Заимка (ныне в черте г. Барнаула), первоначально отнесенный им к первой половине I тыс. н.э., а впоследствии передатированный последними веками I тыс. до н.э. [10, л. 2; 11, с. 17–19]³.

Большие работы летом 1959 г. были проведены в Тальменском и Шелаболихинском районах. В районе села Зайцево экспедиция под руководством А.П. Уманского в двух пунктах раскопала семь курганов второй половины I тыс. до н.э. и начала II тыс. н.э. и заложила пять разведочных траншей на поселении начала II тыс. н.э. В районе с. Усть-Чумыш было обнаружено городище и раскопаны два поздних ограбленных кургана. Близ поселка Мостовой недалеко от устья правого берега Чумыша на поселении Лысый Елбан была заложена траншея и сделаны зачистки культурного слоя. Одно позднее грунтовое погребение было раскопано у с. Кашкарагаиха и два древнетюркских кургана — у с. Иня [13]⁴. Кроме того, произведен сбор подъемного материала на дюне Борки у с. Киприно [15; 16, с. 211–215], обследованной в свое время М.Н. Комаровой, осмотрены места случайных находок по Алею [10, л. 1–4].

Особняком среди этих исследований по богатству инвентаря и исключительной значимости для изучения истории раннего средневековья Евразии стоят материалы «княжеского» погребения эпохи «великого переселения народов» из Тугозвонова на Чарыше (IV–V вв. н.э.). Могила была обнаружена в конце июля 1959 г. рабочими кирпичного завода совхоза «Белоглазовский» в ходе выемки глины из карьера. По сигналу с места находок в район выехала группа сотрудников управления культуры и Алтайского краеведческого музея во главе с А.П. Уманским. Они установили обстоятельства обнаружения захоронения, изучили прилегающий к нему участок местности и собрали несколько предметов, находившихся у частных лиц [17, л. 66–67].

В разрушенной могиле находился костяк скелета, принадлежавший мужчине очень крепкого, богатырского телосложения с прижизненной деформацией черепа, приобретшего огуречеподобную форму (реконструкция внешнего вида тугозвоновского «князя» была выполнена в 1966 г. известным российским

скульптором-антропологом М.М. Герасимовым). Погребенного сопровождали предметы вооружения и украшения, ряд из которых были выполнены из золота и серебра и инкрустированы драгоценными камнями [18, с. 129–163]. В 1963 г. все вещи были переданы на постоянное хранение в Государственный Эрмитаж, а до этого хранились в рабочем сейфе инспектора и у него дома.

Полное научное издание памятника А.П. Уманскому удалось осуществить только в конце 1970-х — 1980-е гг., однако информация об уникальных находках освещалась им в периодической печати и переписке, передавалась при личных встречах. Так, в 1960 г. он демонстрировал фотографии некоторых вещей корифеям отечественной археологии и антропологии М.П. Грязнову, К.Ф. Смирнову, М.М. Герасимову, Б.А. Рыбакову. Последний по собственной инициативе предложил «вне очереди» опубликовать материалы в центральном журнале «Советская археология». По словам А.П. Уманского, находки «вызвали сенсацию в ученом мире» [19]. В результате барнаульский исследователь стал известной фигурой не только среди краеведческой общественности Алтая, но и в научных археологических кругах страны.

В сентябре 1959 г. А.П. Уманский по письму новосибирского краеведа Б.Ф. Неймарка выехал на кордон Раздумье на правом берегу Оби и открыл для себя этот интереснейший комплекс археологических памятников⁵. По его описанию, самую высокую часть мыса занимало городище с хорошо заметным извилистым рвом и основательно растащенным при пахоте валом. Мощностю культурного слоя достигала одного метра. Вся территория поселения была завалена керамикой и обломками сырьевого поделочного камня. К городищу примыкала древняя гончарная печь, а поблизости находилось сооружение, которое, по предположению археолога, могло быть древним святилищем. Кроме того, на территории кордона исследователь зафиксировал несколько курганов и грунтовый могильник. В километре от городища располагалась большая курганная группа, насчитывающая около 30 насыпей. Собранный на памятнике подъемный материал А.П. Уманский передал в Каменский музей.

Во второй половине июля 1960 г. А.П. Уманскому удалось раскопать три кургана в Родинском районе, два — у с. Михайловка, один — в окрестностях с. Кочки. Первые два погребения оказались ограбленными, однако в них кроме костей человека были найдены удила, наконечники стрел, накладки на лук и другие предметы, датированные исследователем первой половиной II тыс. н.э. В кургане у с. Кочки погребенный находился на глубине свыше 3,5 м

³ В настоящее время памятник определяют как Казенная Заимка-I, датируют V–III вв. до н. э. и относят к каменной культуре [12, с. 42].

⁴ Некоторые из указанных памятников в 1978 г. были повторно открыты А.Б. Шамшиным [14, с. 52–65].

⁵ В позднейшей публикации эта поездка была ошибочно датирована 1960 г. [20, с. 81].

под метровым накатом из поперечных и продольных горбылей и бревен. Вместе с ним обнаружили бочковидный сосуд, медное шило, оселок, каменную курильницу, нож и остатки жертвенной пищи. Археолог отнес памятник к шибинскому этапу эпохи ранних кочевников или ко второй стадии гунно-сарматской эпохи. В отчете о командировке он справедливо указывал на перспективность дальнейшего изучения древних памятников Кулунды, которая в археологическом отношении не исследовалась, за исключением раскопок В.В. Радлова в 60-х гг. XIX в. [17, л. 85–87].

В последнюю декаду августа 1960 г. А.П. Уманский возвращается в Камень, чтобы под эгидой местного краеведческого музея провести на Раздумье археологические раскопки. Работы производились в пунктах Раздумье-I (городище, сооруженное, по предположению А.П. Уманского, в конце I тыс. до н.э. и заселенное также во II–VIII и XVI — XVII вв. н.э.), Раздумье-II (раскопано пять грунтовых могил, четыре датируются XI — XVII вв., одна — рубежом эр) и Раздумье-IV (исследован один курган IV–II вв. до н.э.) [21, л. 1–42; 20, с. 81–84, 93–96; 22, с. 46–48].

В августе 1961 г. А.П. Уманскому удалось организовать более длительные, чем в предшествующем году, раскопки в урочище Раздумье на Оби уже под эгидой Алтайского краевого краеведческого музея. Раскопки производились в пунктах Раздумье-I, Раздумье-III (поселение или могильник неустановленной культурно-хронологической принадлежности), Раздумье-IV (раскопаны три кургана IV–II (I) вв. до н.э.), Раздумье-V (исследованы поселение ирменской культуры и один грабленный курган позднего железного века), Раздумье-VI (раскопаны два кургана конца I тыс. до н.э., один из которых находился в аварийном состоянии), Раздумье-VII (исследованы несколько грунтовых погребений, разрушенных грабителями и любительскими раскопками Б.Ф. Неймарка, которые, по мнению А.П. Уманского, датируются II тыс. н.э., но не исключена их принадлежность к началу I тыс. н.э.) [21, л. 43–85; 20, с. 81–84, 96–98; 22, с. 46–51; 23, с. 98–99].

В сентябре 1961 г. по письму жителя села Нечунаево Шипуновского района А.П. Уманский выезжал на место песчаного карьера, где были потревожены два погребения, в которых находились скелеты с искусственной деформацией черепов, а также костяные и железные наконечники стрел, керамика единцовского типа и другие предметы [2, л. 9–11].

С раскопками на Раздумье был связан один неприятный для А.П. Уманского эпизод, вызванный отсутствием у него Открытого листа на право проведения археологических исследований. Газетная информация о его раскопках попала в отдел полевых исследований Института археологии. В мае 1962 г. последовала негативная реакция главного археологического органа контроля. Соответствующее письмо

было адресовано в редакцию «Алтайской правды», а оттуда передано в крайисполком. А.П. Уманский в это время находился в археологической экспедиции в Кытманово, и по требованию начальства ему пришлось выехать в Барнаул, «извиняться и писать и просить» [24]. На имя заведующего отделом полевых исследований А.Я. Брюсова была направлена довольно пространная объяснительная записка, подписанная К.С. Владимирским, исполнявшим в то время обязанности заместителя председателя крайисполкома, но составленная, очевидно, самим руководителем раскопок. В письме подробно, но достаточно объективно сообщается о научно-методической квалификации и опыте работы исследователя в области археологии, его вкладе в охрану и изучение древних памятников края: «Тов. Уманский, не считаясь со временем и обстоятельствами, по первому сигналу о случайном обнаружении памятников археологии и непредумышленных разрушениях их при всякого рода хозяйственных работах выезжает в районы края. Во время многочисленных командировок по краю, а также с помощью актива краеведов, местных органов культуры тов. Уманский за последние годы выявил десятки новых, неизвестных ранее памятников археологии, а отдельные из них спас от гибели или разрушения». В записке подчеркивается аварийное состояние древностей урочища Раздумья и необходимость их спасения путем археологических раскопок. С позиций местной власти была высказана претензия, что не все археологи, работающие на Алтае, визируют свои Открытые листы в крайисполкоме, и было заявлено, что впредь работа таких экспедиций в крае будет пресекаться [19].

Основательно составленная объяснительная записка, подписанная одним из руководителей края, видимо, возымела свое действие. Да и известность А.П. Уманского как археолога в столичных кругах, особенно после тугозвонских находок, была довольно высока. В результате в том же 1962 г. ему был выдан Открытый лист на право проведения аварийных раскопок в ряде районов Алтайского края. Однако неприятный осадок от этого инцидента остался, и в одном из частных писем исследователь в шутку пишет, что боится показываться в Москве при жизни А.Я. Брюсова [19].

От имени управления культуры и краеведческого музея А.П. Уманский выступал в ходе исследования известных археологических памятников эпохи бронзы на Чумыше близ сел Кытманово и Степной Чумыш. Проведение аварийных раскопок частично разрушенного в ходе хозяйственных работ Кытмановского могильника он планировал в июне 1961 г. Однако в мае его призвали на двухмесячные армейские сборы. Вернувшись в конце июля в Барнаул, он узнал, что за время его отсутствия могильник был обследован группой туристов-краеведов из г. Мыски Кемеровской области во главе с учителем В.И. Кацем,

которые раскопали десять могил, потревоженных карьером кирпичного завода. Эта информация вызвала сильное раздражение А.П. Уманского, и он по горячим следам пишет В.И. Кацу резкое письмо. В нем он обвиняет кемеровского краеведа в том, что тот вел раскопки без Открытого листа либо не зарегистрировал его в краевом управлении культуры: «По новому кодексу за это полагается штраф, принудительные или тюремное заключение». Инспектор предлагает В.И. Кацу направить в краевое управление Открытый лист для регистрации и краткий отчет о проделанной работе, а в Алтайский краеведческий музей передать археологические материалы. В будущем, по категоричному заявлению автора письма, «без регистрации разрешительных документов в управлении культуры Вы будете лишены возможности работать в пределах нашего края» [25, л. 14–15 об.].

Насколько позволяют судить имеющиеся в нашем распоряжении источники, ни одно из требований инспектора В.И. Кацем выполнено не было. Тем не менее в следующее лето барнаульская и кемеровская экспедиции во главе с А.П. Уманским и В.И. Кацем бок о бок работали на раскопках Кытмановского могильника. По данным алтайского исследователя, кемеровчане раскопали в сезон 1962 г. еще около 20 могил [26, л. 7]⁶.

Итак, летом 1962 г. экспедиция Алтайского краевого краеведческого музея при участии учителя и школьников Налобихинской средней школы под руководством А.П. Уманского раскопала и доисследовала близ Кытманово 26 грунтовых погребений, основная часть которых принадлежала андроновской культуре. Исключение составляла могила № 17, которая относилась к эпохе поздней бронзы. В 1963 г. аварийные работы на могильнике были продолжены А.П. Уманским по Открытому листу (форма № 4) уже под эгидой Бийского краеведческого музея им. Бианки при участии студентов-историков Барнаульского пединститута. В этом году было вскрыто еще 11 андроновских погребений. В результате раскопок была получена большая серия керамического материала, а также кольца, пронизи, обоймы, подвески и другие украшения из бронзы, покрытые золотой фольгой. Кроме того, были найдены раковины, изделия из бронзы, пасты и камня [27]. Эта же экспедиция провела небольшие аварийные работы в окрестностях с. Степной Чумыш, вскрыв одну полуземлянку, которую исследователь датировал временем не ранее конца XVII в. и предположительно связал с телеутами [16, с. 214].

Кроме раскопок Кытмановского могильника и сопутствующих разведок по Чумышу А.П. Уманский в 1962 г. проводил археологические исследования и в других районах края. В мае он совершил поездку

в Горный Алтай по Чуйскому тракту до населенных пунктов Каракол — Кулада. Обнаруженные им три каменных изваяния (два из них запахивались), а также пять небольших плит с петроглифами были доставлены в Барнаул в краеведческий музей. По сигналам с мест он выезжал в Парфеновский, Калманский и Сорокинский районы, где осмотрел или доисследовал ряд разрушенных погребений и зафиксировал новые памятники археологии. В августе 1962 г. по Открытому листу он провел археологическую разведку по Чарышу в Белоглазовском районе в треугольнике между селами Тугозново — Эстония — Ельцовка, выявил ряд новых памятников, вскрыл три грунтовых могилы недалеко от найденного ранее «княжеского» погребения эпохи «великого переселения народов». В сентябре того же года он продолжил работы по Алею в Алейском, Шипуновском и Пospelихинском районах, раскопал ряд грунтовых и курганных захоронений различных эпох в районе сел Малопанюшево, Нечунаево и Кабаково. В частности, в Нечунаево траншеями шириной от 2,5 до 3 м было выявлено девять грунтовых погребений [28, л. 25–29]. Путем полного снятия насыпи там же был раскопан курган, содержащий две могилы последних веков до н.э. [29, с. 153–156].

По мере интенсификации археологических исследований стали возникать, а со временем накапливаться сложности, связанные с подготовкой отчетов по проведенным разведкам и раскопкам. Опираясь на опыт, полученный в экспедициях под руководством М.П. Грязнова, А.П. Уманский всегда стремился проводить археологические работы на современном методическом уровне. Его исследования отличались высоким уровнем самих раскопок, тщательной фиксацией всех артефактов, грамотным составлением полевой документации. Сложность заключалась в том, что экспедиционные исследования не предполагали наличия штатных подготовленных сотрудников или помощников. А.П. Уманскому почти всегда приходилось самому решать организационные и финансовые проблемы, заниматься материальным обеспечением экспедиции и осуществлять весь комплекс работ, связанных с проведением раскопок и составлением полевой документации. Камеральная обработка материала и подготовка отчетов также требовали много сил и времени. И вот в этом, вероятно, заключалась главная трудность. Всегда загруженный на основной работе, обремененный выполнением общественных поручений, краеведческих и научных программ помимо археологии, он физически не успевал вовремя обрабатывать накапливавшиеся археологические источники.

Следует отметить активную историко-просветительскую деятельность А.П. Уманского, популяриза-

⁶ Отчет, полевую документацию и археологические материалы этих раскопок С.П. Грушину, осуществлявшему монографическую публикацию могильника, обнаружить не удалось [27, с. 6].

цию археологических знаний. Так, только за 1960–1963 гг. на страницах почти 50 (!) номеров краевой и районной прессы появлялись его публикации, посвященные, главным образом, исследованию археологических памятников. Умение писать ярко, грамотно, доступно превратило его в желанного автора для многих газетных редакций. В 1959 г. Алтайским книжным издательством тиражом 3000 тыс. экземпляров и объемом почти 13 печатных листов была выпущена работа А.П. Уманского «Памятники культуры Алтая». Почти половину книги занимает археологический раздел, что редко встречалось в изданиях подобного рода.

Таким образом, за первые 15 лет археологической деятельности А.П. Уманский превратился в одного

из самых активных и авторитетных исследователей археологии края. Его целенаправленная работа по сбору данных о древних памятниках края, обследовании и раскопке аварийных объектов, меры по охране историко-культурного наследия, пропаганда краеведческих знаний, наконец, издание обобщающей научно-популярной работы по археологическим культурам Алтая представляют собой серьезный вклад в изучение древней истории края. Вместе с тем публикация, а тем более научный анализ материалов были еще впереди. В сентябре 1963 г. исследователь возвращается на работу в Барнаульский педагогический институт, и начинается новый этап его многогранной научной деятельности, в которой археология всегда занимала ведущие позиции.

Библиографический список

1. Демин М.А. А.П. Уманский: первые шаги в науку // Вопросы археологии и истории юга Западной Сибири. — Барнаул, 2013.
2. Государственный архив Алтайского края (ГААК). — Ф. Р-1820. — Оп. 1. — Д. 157.
3. ГААК. — Ф. Р-1820. — Оп. 1. — Д. 93.
4. Уманский А.П. Археологические памятники Павловского района (материалы к археологической карте) // Города и села Алтайского края: историческое наследие (Павловский район). — Павловск, 1993.
5. Шамшин А.Б. К истории археологического изучения Павловского района // Города и села Алтайского края: историческое наследие (Павловский район). — Павловск, 1993.
6. Тишкин А.А., Горбунов В.В., Казаков А.А. Курганный могильник Телеутский Взвоз-1 и культура населения лесостепного Алтая в монгольское время. — Барнаул, 2002.
7. Архив Лаборатории исторического краеведения Алтайского государственного педагогического университета (ЛИК АлтГПУ). — Папка №3.
8. ГААК. — Ф. Р-1041. — Оп. 1. — Д. 345.
9. Тишкин А.А. Встречи с А.П. Уманским // Вопросы археологии и истории Сибири. — Барнаул, 2008.
10. ГААК. — Ф. Р-1820. — Оп. 1. — Д. 95.
11. Уманский А.П. Раскопки кургана раннего железного века у села Гоньба // Города и села Алтайского края: историческое наследие (Павловский район). — Павловск, 1993.
12. Кунгуров А.Л., Сингаевский А.Т. Археологические памятники города Барнаула. — Барнаул, 2006.
13. Архив ЛИК АлтГПУ. — Папки №№4, 6–8.
14. Шамшин А.Б. К археологической карте Причумышья // Древняя история Алтая. — Барнаул, 1980.
15. Архив ЛИК АлтГПУ. — Папки №№5, 6.
16. Уманский А.П. Археологические памятники долины р. Чумыша // Известия Алтайского отдела Географического общества СССР. — Барнаул, 1965. — Вып. 5.
17. ГААК. — Ф. Р-1041. — Оп. 1. — Д. 266.
18. Уманский А.П. Погребение эпохи «великого переселения народов» на Чарыше // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. — Новосибирск, 1978.
19. Личный архив Тамары Аверьяновны Уманской — вдовы А.П. Уманского.
20. Уманский А.П. Археологические памятники урочища Раздумье // Археологические исследования на Алтае. — Барнаул, 1987.
21. ГААК. — Ф. Р-1820. — Оп. 1. — Д. 67.
22. Памятники истории и культуры Северо-Западного Алтая. — Барнаул, 1990.
23. Уманский А.П. Раскопки курганов в урочище Раздумье в 1961 г. // Алтайский сборник. — Барнаул, 1993. — Вып. XVII.
24. Архив ЛИК АлтГПУ. — Папка №2.
25. ГААК. — Ф. Р-1820. — Оп. 1. — Д. 149.
26. ГААК. — Ф. Р-820. — Оп. 1. — Д. 111.
27. Уманский А.П., Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П. Погребальный обряд населения андроновской культуры Причумышья (по материалам могильника Кытманово). — Барнаул, 2007.
28. ГААК. — Ф. 1041. — Оп. 1. — Д. 501.
29. Уманский А.П. Аварийные раскопки близ села Нечунаево // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. — Барнаул, 1997. — Вып. VIII.